

Наталья Волохина

Жили или не жили

Старые сказки
на новый лад
(для взрослых)

Наталья Волохина

**Жили или не жили. Старые сказки
на новый лад (для взрослых)**

«Издательские решения»

Волохина Н.

Жили или не жили. Старые сказки на новый лад (для взрослых) /
Н. Волохина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836192-0

Сатирические сказки для взрослых. Знакомые, старые сказки с сегодняшними героями, неожиданным финалом, но все тем же «намеком». И грустно, и смешно — времена меняются, а люди все те же.

ISBN 978-5-44-836192-0

© Волохина Н.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Бычок смоляной бочок	7
Горе – злосчастье	10
Гуси – Лебеди	13
Как мужик домовничал	15
Колобок	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Жили или не жили Старые сказки на новый лад (для взрослых)

Наталья Волохина

Иллюстратор Наталья Волохина

© Наталья Волохина, 2018

© Наталья Волохина, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4483-6192-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

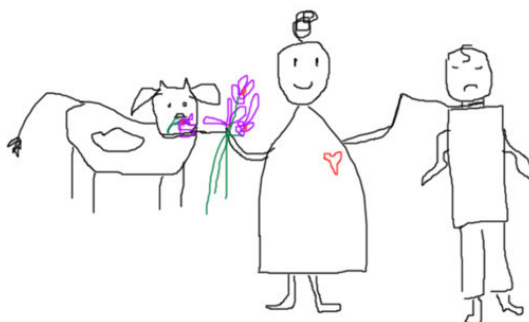
От автора

Жили или не жили, были или не были

Больше можно бы ничего и не писать. Трудно определить, на самом деле жив человек или это только ему и нам кажется. Что есть его бытие? Игра в жизнь, небылица – смешная, поучительная, печальная. Как знать? Сегодняшняя бытийная ситуация часто удивительно совпадает со сказочным сюжетом, которому много больше ста лет. Не зря вечно жива сказка, утверждающая: «Жили – были». Значит, есть от неё польза человекам. Попробую и я свой «намек – добрым молодцам урок» рассказать. Вдруг, кому сгодится.

Сказочница Наталья Волохина

Бычок смоляной бочок

Жили-были бабушка и дедушка. Была у них внучка Танюшка. Сидят они как-то раз у своего дома, а мимо пастух стадо коров гонит. Коровы всякие: и рыжие, и пестрые, и черные, и белые. А рядом с одной бежал бычок – черненький, маленький. Где припрыгнет, где прискачет. Хорошенький такой бычок.

Бабушка и говорит:

– Вот бы нам такого теленочка. Мы б его вырастили, продали, а на вырученные деньги Танюшке приданное купили.

– Да разве ж сейчас на такие деньги приданое купишь, – возразила Танюшка.

– Пошто нет? За мясо, за шкуру, за рога и копыта – вон сколь получится, – не уступала бабуля.

– Современным женихам, им квартиру или машину подавай в приданое, стадо бычков надо продать, чтобы такие деньжищи выручить, – не унималась внучка.

А дедушка ничего не сказал, но про себя подумал: «Кабы не такая страшненькая была да вреднючая, глядишь, и без приданого бы взяли. А то уж перестарок, а женихи наш дом десятой дорогой обходят. Сколь мы её еще кормить будем?».

Мамаша-то привезла её на лето к родителям погостить лет двадцать пять назад, а забрать забыла, а сама исчезла, будто и не было. Отца Таниного и сама родительница не могла вспомнить. Вздыхнул дедушка и чай пить пошел. А сам все думу думает. Думал – думал и придумал.

Вот настала ночь. Бабка легла спать, Танюшка легла спать, кошка легла спать, собака легла спать, куры легли спать, только дедушка не лег. Собрался потихоньку, пошел в лес. Пришел в лес, наковырял с елок смолы полное ведро и вернулся домой.

Бабка спит, Танюшка спит, кошка спит, собака спит, куры тоже уснули, один дедушка не спит – смолой забор мажет. Посмотрел дедушка – хорошо получилось, но чего-то не хватает. Нарвал пучок травы посочнее, шлепнул на забор, она и приклеилась. Подергал, держится – вот теперь отлично получилось. Обтер смолу с рук скипидаром и спать пошел.

Шло мимо дедова забора на утренней зорьке деревенское стадо. Все коровы на травяной пучок оглядывались: и рыжие, и белые, и цветные, но пастух их кнутом подгонял, чтобы не задерживались. А маленький черненький бычок отстал от мамки, пастух и не заметил. Подбежал бычок к зеленой душистой приманке, как припрыгнет, как прискачет от радости, как ухватит побольше клочок, да как прилипнет к смоляному забору. Мычать бы, мамку звать, да губы слиплись, рожками упираться – рожки прилипли, ножками оттолкнуться – и ногами влип.

Встали утром Танюшка с бабушкой, вышли во двор, а у забора бычок – черный бочок весь в смоле увяз.

– Ой, батюшки! – запричитала старуха. – Откуда у нас чудо такое? Чей же ты будешь?

– На нашем заборе висит, значит, наш, – оборвала её внучка.

– Как же, Танюша, заблудился он, от матери отбился, искать его станут, заберут, отымут.

– Пусть попробуют, – зло пробурчала девица и глаз так нехорошо сощурила, прямо выли-
тая утерянная мамаша.

Пока сыр-бор был, не заметили женщины, подошедшего к забору парня деревенского, Анчутку. Он уж опохмелился и на работу, на скотный двор, шел.

– А чего это вы тут делаете? А что это тут у вас за бычок такой, смоляной бочок? – пьяненько захихикал он. – Чей это телок к вам приблудился?

– Наш это, – отрезала Татьяна.

– Ага, ваш! У вас скотины никой уже сто лет нету. Вот я его сейчас освобожу и на скотный двор сведу, глядишь, хозяин сыщется.

Не успела девка его облаять, а бабушка запричитать, как Анчутка ухватился за бычка, а ногами о забор оперся, ну, и прилип, конечно. Дедушка полночи не зря старался, хорошо забор смазал. Парень подергал ноги и решил руками себе помочь, бычка отпустил, за забор ухватился.

Когда дед вышел на призывный мат, Анчутка висел на заборе рядом с бычком и только губами мог шевелить.

– Што, болезный, Анчутка непутевый, ругаешься? Пошто это ты мой забор ломаешь да скотину мою пугаешь?

– Пусти, дед, иначе отлипну – убью! – взвыл пленник.

– А, так ты ишо и лаешься! Так и отлипай сам. А вы што, бабы, встали, завтракать пора, брысь в дом. Пушай, как хочет, так и освобождается.

И, не обращая внимания на вопли почти отрезвевшего соседа, ушел. Ближе к вечеру дедушка бычка скипидарчиком от забора отклеил, в сараюшку спрятал, накормил, напоил. А парня вроде, как и нету, не замечает. Скоро уж стадо обратно пойдет, увидят люди, засмеют, да и замаялся он на заборе-то висеть. Вот и взмолился:

– Отпусти, старик, я тебе бутылку первача подарю и про бычка никому не скажу.

– А на что мне твой самогон? Я свою печень ишо лет десять назад на самогон поменял, а тебе он самому пригодится, на свадьбу, и мясо будет кстати.

– На какую свадьбу? – насторожился парень.

– А ты разве за Танюшкой не ухаживашь? Вон, как тебя к ей влекет, аж к забору прилип, – засмеялся дедок.

– Я?! Ни за что! Меня ж вся деревня засмеет!

– А как на заборе-то увидят, не засмеют? – подколот старик. – Ишо скажу, что ты к Таньке по ночам шастал, вот я забор-то и намазал, чтобы, значит, тебя имать, вот и споймал. Да не убивайся ты так! Мы вам избу свою отдадим, сами во времянку со старухой переселимся.

Парень заплакал остатками утренней опохмелки, а может, и впрямь проняло:

– Страшная она очень, злая, как собака цепная, что ж я с ней делать – то стану?

– А ничо, – утешил дед, – ночью темно, не видно, а днем на работу да на рыбалку. Мы с ей больше двадцати годов живем, и ничо, выжили. Ну, и ты как-нибудь. Согласен, али как? А то вон, стадо уж пылит по дороге.

Парень обреченно кивнул головой.

– Ну, вот, давно бы так. Зачем цельный день, почитай, маялся. Я счас тебя быстренько отклею, водочки налью, в баньку с тобой сходим, дорогой зятек, не печалуйся, – приговаривал старичок.

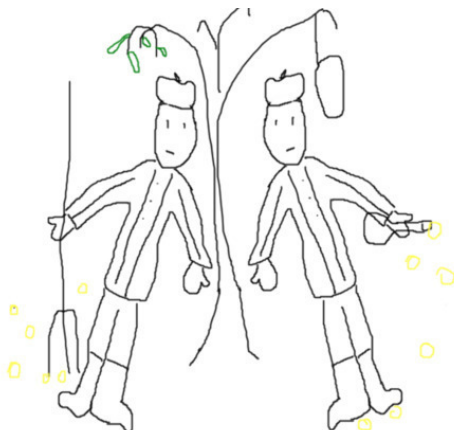
А Танька со счастливым лицом из-за сарайки выглядывала, даже похорошела вроде.

Вот под вечер сели дедушка, да бабушка, да внучка Танюшка, да зять их Анчутка на крыльчке – сели, запели после баньки, после чаю, после стопочки:

– Ой, да не вечер, да не вечер...

2016 г.

Горе – злосчастье

В одной деревушке жили два мужика, два родные брата.

Жили, как все, не бедно – не богато. Случился в их царстве – государстве большой тарарам, помер царь, а при новом правителе вся деревня стала жить бедно. Вот один из братьев продал за бесценок избу, переехал на жительство в город, записался в купцы, нажил богатство, выстроил себе большущий дом; у бедного же иной раз нет ни куска хлеба, а ребятишки – мал мала меньше – плачут да есть просят. С утра до вечера бьется мужик, как рыба об лед, а все ничего нет.

Говорит он снова своей жене:

– Дай-ка, пойду в город, попрошу у брата: не поможет ли чем?

Пришел к богатому:

– Ах, братец родимый! Помоги сколько-нибудь моему горю – жена и дети без хлеба сидят, по целым дням голодают.

– Проработай у меня эту неделю, тогда и помогу!

Что делать? Принялся бедный за работу: и двор чистит, и лошадей холит, и воду возит, и дрова рубит. Через неделю дает ему богатый одну ковригу хлеба:

– Вот тебе за труды!

– И за то спасибо! – сказал бедный, поклонился и хотел было домой идти.

– Пойжди! Ты вроде обиделся, что заработок мал. Так приходи завтра, будешь мою работу делать, больше получишь.

Обрадовался бедный. Думает, вот хорошо, братова работа легче – легкого, сяди себе, да указанья раздавай, а деньжишь сколь!

Пришел он поутру к брату на богатый двор, а тот уже его дожидается, сердится:

– Почто поздно так?

– Так ведь только петухи первые пропели. Разве ты не к обеду встаешь?

– Эх! Кто рано встает, тому бог дает. Разве, не знаешь, братец?

Вот и пошел он за братом по его делам. А тот и на конюшню, и на кузню, и в лабаз. Да везде его каждый миг по сто человек обо всем спрашивают, а он не только отвечает, а еще пишет, читает, считает и ни разу не ошибается. Бедный сопел за ним бегать, а к полудню не только соображать перестал, еле ноги волочит. А братеньник все подгоняет:

– Скорей, скорей, опаздываем.

– Да, куда опаздываем, – возмутился бедный, – разве ты не сам себе хозяин?!

– Хозяин?! – засмеялся богатый в ответ. – Я подневольный батрак, а капитал надо мной хозяин. Чуть остановишься, зазеваешься, враз тумак даст, а то и вовсе турнет, голым по миру пустит.

К ночи бедный брат едва жив был, словно на нем вместо лошади пахали. А богатый весел и бодр, будто в кресле сидел да руками водил. Закусили они пирогами с мясом. И дал брат брату за работу монету золотую.

– Вот тебе за нонешние труды. Почто опять хмуро глядишь? Нешто мало? Ну, так приходи завтра еще.

– Благодарствую, – отвечал бедный.

Но про себя решил, что на такую работу больше ни за что не пойдет. Лучше поле пахать за ковригу ржаную. Поклонился брату в пояс и домой отправился.

Шел он полем, думал думу невеселую о том, что бедный – несчастный он мужик, не дал ему бог братова ума да хватки, а то бы сейчас, как сыр в масле катался. Но как вспомнил сегодняшний день, решил, а может и хорошо, что не дал. На что такое богатство, за которое целый день хуже мерина пластаться надо, света белого не видеть. Ноги усталые привели его к камню бел-горючему. Присел мужик, вздохнул тяжелешенько:

– Эх! Что делать теперь? Вот горе – злосчастье!

А оно тут как тут. Обняло его за плечи, да шепчет на ушко:

– Как что? В кабак зайти придорожный, залить грусть – печаль свою зеленым вином.

– Чем платить-то? – тоскует мужик.

– Как чем? А золотой на что? – не унимается Горе.

– На обутки детишкам малым, жене на сарафан, да мучицы прикупить, – расчетливо говорит бедняк.

– Ой, сколь насчитал. Не хватит на все. Цены-то вон как выросли. До зимы далеко, босиком покуда побегают, бабе сколь ни давай – все мало. А на муку останется.

– И то верно, – соблазнился бедняк и пошел в кабак.

Пропил золотой, пропил с себя все, до исподнего, из дома все кабатчику снес. А Горе все не унимается, каждый день опохмелки требует:

– Пойдем, кредит возьмем под избу вою, у меня знакомые в банке есть.

Заложили избу, пропили. Отдавать-то нечем. Забрал банк избу. Жена с детьми по миру пошла, по добрым людям побираться, на батрацкую работу наниматься. Старший брат много раз хлеба давал и денег медных, да у горя рот больно широк – не прокормишь, не пропоишь. Вот и перестал богатый бедному брату помогать.

Дошел бедняк до полной потери сил и надежды. Уж и рюмку никто не нальет, ни корку не подаст. Пошел он ночью на кладбище, поплакал над собой горемычным на могилке родительской, закинул веревку, какой штаны подпоясывал, на ветку, да и вздернулся. А ветка сухая была, возьми и обломись. Упал мужик на чью-то старую могилу, заброшенную, и провалился прямо через землю рыхлую, через гроб трухлявый, сгнивший давно.

– Ох, горе – злосчастье мое!

А оно тут как тут.

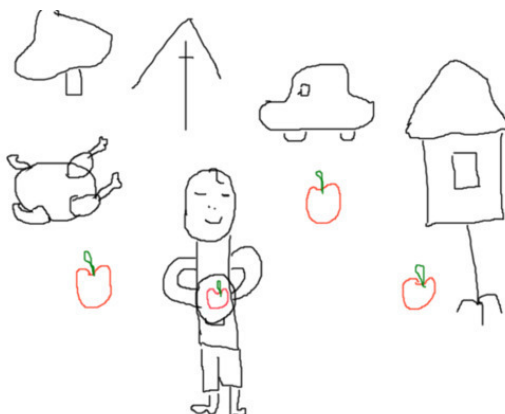
– Куда ж ты, горемыка, свалился? Глянь-ка, тут блестит что-то.

Мужику страх глаза застит, а Горе зорко глядит. Монетку одну – другую раскопало, а дальше и горшок с золотом. Мужик наверх вылез, оно ему клад передает, а само все по земле шарит, вдруг еще что осталось. Тут бедному озаренье вышло. Огляделся кругом, увидел старые плиты каменные кучей свалены у забора, притащил, которую побольше, да сверху на Горе и сбросил. Потом для верности еще несколько штук навалил. А поутру прибрал могилку, баночку с краской нашел и подписал: «Здесь горе – злосчастье лежит. Не дай бог его раскопать».

Все? Все, да не все. Оно, конечно, купил мужик избу и лошадь, ребят своих обул – одел, но остальные деньги ни пропил, ни проел. Учиться пошел на фермера. И оказалось, что не только брату его бог ума да смекалки дал. Знатным хозяином стал. Мужик-то работающий. Говорят, у него даже пчелы в свободное, зимнее время, бисером вышивают, чтобы, значит, не бездельничать в межсезонье. Но это врут, наверное.

2017 г.

Гуси – Лебеди

Жили мужик да баба. У них была дочка да сынок маленький.

Жили небогато, в небольшой деревеньке, далеко от МКАД. А где его взять – богатство? Ни комбикорма скотине, ни работы, где тот самый комбикорм украсть, нету. Вот и подрабатывали у фермера одного за семь верст от дома. А по пути с работы – на работу прихватывали на мотоцикл свой «Урал», в люльку, что можно: сена клочок, зерна мешок. Что говорить, крутились, как могли. Детей поднимать надо.

Так вот, про детей вся сказка. Оставляли их дома одних. Девчонка-то постарше, ей и наказывали:

– Доченька, – говорила мать, – мы поедем на работу, береги братца. Не ходи со двора, будь умницей, мы купим тебе «Сникерс».

Девчонке той «Сникерс», что принцессе брильянты, рада – радешенька. Но ведь и гулять охота со сверстницами в догонялки – прыгалки, а тут одни «дочки – матери». Братишка, не смотри, что небогато живут, крепкий, кровь с молоком, не утянешь. Вот и посадила братца на травке под окошко, а сама побежала на улицу гулять.

Налетели гуси-лебеди, хотели подхватить мальчика, унести на крыльях, да где им такого сбитого поднять. Покружили, покричали со злости и улетели. Тут бы и сказке конец, а не положено. Как же без борьбы-то? Добра со злом?

Ехала мимо одна тетка. Вернее, водитель её вез. Богатая тетка, но одинокая и бездетная. Ехала и думу думала о суррогатной матери. А тут видит, мальчишечка сидит один одинёшенек, хорошенький такой. Вышла, покричала, позвала, нет никого кругом, ну, просто, ничей мальчишечка. Подхватила (силенок-то поболее, чем у лебедя), в машину посадила и увезла.

Девчушечка воротилась, а братца нет. Испугалась, папка с мамкой вернутся, заругают, да всыпят еще. Кинулась братца искать. Выбежала в чисто поле и только видела: метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за темным лесом. Тут она догадалась, что они унесли ее братца: про гусей-лебедей давно шла дурная слава о том, что они маленьких детей уносили.

Бежала, спрашивала у всех по пути: и в пекарне, и в палатке продуктовой, и у продавца фруктов. Да кто нынче на птиц внимание обращает. Может и видал кто, но отмахнулись от девчонки с глупостями её.

Долго она бегала по полям, по лесам. День клонился к вечеру, делать нечего – надо идти домой. Вдруг видит – стоит избушка на курьих ножках, с одним окошком, кругом себя поворачивается. В избушке Баба-Яга когтями крашеными по «клаве» тюкает, бухгалтерию свою

колдовскую сводит. А за стойкой молодец стоит, играет серебряными блюдечками, хрустальными рюмочками. Девочка вошла в избушку:

– Здравствуй, бабушка!

– Здравствуй, девица! Зачем на глаза явилась?

– Я по мхам, по болотам ходила, платье измочила, пришла погреться.

Баба – Яга зыркнула опытным глазом, вмиг смекнула, что девчушка ладная да пригожая, очень даже для её «заведения» подходящая. Обогрела, в баньке попарила, накормила, зельем опоила, спать уложила. К утру позабыла девица не только братца своего, но и отца с матерью. Так и осталась на веки – вечные у Яги в услужении. И никто её в тех диких местах не сыскал. Может, и не рискнул сунуться.

А мужик с бабой домой воротились, детей искать кинулись. Ну, они поумней дочки были, не гусей – лебедей искали, а машину дорогую. Поумней, да не очень. Баба в уличной кафешке позавчерашний пирожок съела, а мужик с горя водки паленой в палатке купил. Так что, до овощного лотка и не доехали. Да и ни к чему, продавец по-русски только рубли да килограммы знал, а если что другое и мог сказать, так не дурнее нашего с вами, себе проблемы искать не стал бы нипочем.

Повезло больше всех мальчишечке украденному. Тетка его усыновила, воспитала, выучила, наследство богатое оставила.

Вот тебе и новая наука сказочная. Сидишь – сидишь, да и высидишь. Может, и не надо как заполошному метаться – спасать, выручать, защищать? А?

2016 г.

Как мужик домовничал

Жили-были муж с женой. Муж вечно женой недоволен был. Все думал, что у неё забот по дому мало.

– Я вот пашу, как проклятый, начальника дурака терплю, машину в ремонт загнать некогда, пива с мужиками выпить. А ты целыми днями что делаешь, барыня? – каждый день спрашивал мужик.

– Ну, как же, – оправдывалась жена, – на мне дети, хозяйство. И убрать, и приготовить, и постирать.

– Да что там делать-то, когда полон дом техники бытовой. Белье в машину, посуду в посудомойку, детей за уроки, и сиди себе, брови выщипывай, – гнет свое мужик.

– Ну, хватит, – говорит супружница, – завтра я за тебя пахать пойду, а ты оставайся домовничать.

Утром подкрасилась, кудряшки подкрутила, завела машину да уехала.

– Вот хорошо, – думает мужик, – хоть отосплюсь.

Но не тут-то было. Пришли ребяташки, уселись по обе стороны кровати и потянули за пижаму каждый к себе:

– Пап, а пап, мы есть хотим, нам на горшок надо.

Терпел он, терпел, пока рядом с головой теплая струйка не зажурчала. Вскочил, отругал всех, по горшкам рассадил и пошел кашу варить. А молоко, видно, жена перед уходом заколдовала, не кипит и не кипит, хоть тресни. Только отвернулся он кому-то зад подтереть, оно и убежало на плиту, за плиту и в конфорку. Ну, думает: «Кашу-то я укараулю». Куда там. Опять его отвлекли, каша к молоку прибавилась, такой смрад в доме, хоть святых выноси.

Наконец, рассадил всех, каши горелой в тарелки набухал и присел отдохнуть чуток. Но присел неудачно, на кота, что в кресле дремал. Кот взвыл и тяпнул мужика за самое уязвимое место, он отпрыгнул, да опять неловко, на собаку, голодную, не выгулянную. Собака за все свои обиды враз отомстила. От испуга лужу наделала, от боли хозяина прикусила, за то же самое, уязвимое место. Мужик пуще прежнего заголосил, а детишки подключились.

Кое-как все утряслось. Хор смолк, боль отпустила, зверье попряталось, детишки по комнатам разбрелись. Мужик белье и посуду по машинам растолкал. Лужу шваброй затер. Предусмотрительно проверил кресло и с осторожностью в него опустился. Ноги вытянул, папироску закурил. Вот оно, долгожданное безделье наступило. Но затишье, как известно, бывает перед бурей. Из детской раздался такой крик, что истерзанное мужиково «хозяйство» упало на пол.

Когда папаша, выпучив глаза, ворвался в комнату, два брата близнеца тянули каждый к себе «мышку» от компьютера, нещадно вопя и тузя друг друга, рискуя сдернуть на себя монитор.

Целый день мужик разнимал, подтирал, кормил, убирал. В перерывах учил со старшими уроки, выслушивал нравоучения и жалобы их учителей по телефону, выгуливал собаку и много еще чего... мог бы сделать, но не успел.

А как жена?

Жена первым делом поставила машину в автосервис, на такси, без опозданий, явилась на работу. С милейшей улыбкой заверила шефа, что все будет сделано в срок, потому как, такого приятного мужчину подводить грех. Поскольку она не перекуривала, не обсуждала с коллегами вчерашний футбольный матч, то быстро разобралась в завалах бумаг на столе. Разделила их на равные части, вручила сослуживцам, уповав на их великолепные деловые качества, а также на крепкое мужское плечо, благо, что в большинстве своем они оказались мужеского полу. Дамы поддержали её из солидарности. И до вечера не только сдала довольному начальству отчет, но успела сделать маникюр-педикюр, попить пива с девчонками в баньке и прикупить торт на нежданные премиальные.

Вернувшись, довольная супруга застала мужа в таком печальном состоянии, что даже не стала требовать ужин.

– Пойдем спать, дорогой. Дети утомонились, и секса очень хочется, – проворковала она.

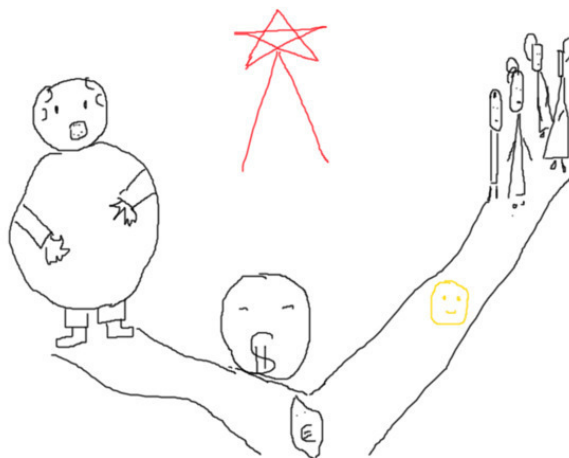
– Ты что, свихнулась, – последний раз за этот день взвыл мужик, – не видишь, я рук ног не чую, голова болит, сил нет.

Наутро мужик встал пораньше и ушел на работу, чтобы жена, не дай бог, не надумала снова с ним меняться.

– Уж лучше я буду пахать, а она пусть дома отдыхает, барыня.

2017 г.

Колобок

Жили-были старик со старухой. И ничего у них не было, ну, буквально ничего. Ни припасов никаких, ни муки, там, ни масла, ни яиц. Сил работать уже тоже не было. Ну, и ни ума, ни фантазии, соответственно возрасту, тоже не было.

М-да...

Однажды поутру вся эта история началась. И началась вот с чего. Пришел старик к старухе на кухню и говорит:

– Нынче воскресенье, так испеки ты мне, старуха, колобок.

То ли у него вовсе память отшибло, то ли маразм разыгрался, а может, юмор такой, черный, от отчаяния прорезался. Только старуха про черный юмор ничего не понимала и отвязалась на мужа:

– Ты что, старый, сбрендил?! Какой колобок? У нас ведь нет ничего!

Старик задумался на минуту, а потом и вовсе несуслазное бухнул:

– А ты, мать, по амбарам помети, по сусекам поскреби, глядишь, чего и наберется.

Бабка поняла, что дело плохо, но для порядка еще поголосила немного:

– Какой амбар? У нас его не было отродясь. Как у твоего деда спалили при раскулачивании, так в роду больше и не было ни у кого. Ты хоть на картинке его видел, амбар-то? И какие сусеки. В холодильнике, кроме подсолнечного масла на донышке бутылки, и нет ничего.

– А, значит, масло все же есть! А ты говоришь, нет ничего, поскреби еще по сусекам.

– Я тебе щас лысину твою поскребу для блеску, дурень старый! Иди, ешь свою овсянку и не нервируй меня, а то у меня уже давление поднялось от твоих заскоков.

Но только, видно, у деда все кукушки окончательно разлетелись, и он снова свою пластинку завел:

– Ты еще по амб..., ну, по сусекам...

Закончить ему старуха не дала, а, чтобы не прибить ненароком, вышла, хлопнув дверью. Постояла на площадке лестничной, подышала и пошла, держась за сердце, к соседке, верной своей подружайке. Позвонила, для верности постучала кулаком в дверь – подружка – то к старости глуховата стала. И едва та открыла, начала жаловаться на мужнин маразм. Глухая услышала из бурного монолога, к счастью своему, не все, но про колобок прорезалось. Правду говорят, что человек слышит только то, что хочет.

– А что, колобок – вкуснотища какая, – мечтательно прошамкала она. – Когда мы его в последний раз ели?

– Когда-когда? Раскудахталась! Когда у моего деда в последний раз «кремль стоял», вот когда!

– Давно, значит, было, – резюмировала подруга.

– А ты почему знаешь?! – пуше прежнего взъерилась старуха.

– Ну, что ты кричишь-то? Тебе нервничать нельзя, вон сердечко расшалилось у тебя. Давай лучше по амбарам пометём, по сусекам поскребем...

Договорить у бабульки не получилось.

– И ты туда же! По каким амбарам и что скрести? Сговорились что ли? Пенсия-то, когда была?

– Ты погоди, не шуми. Я тут оставляла немножко муки на черный день, у тебя, говоришь, масло есть, у Петровны яичком разживемся, глядишь, и получится.

Не буду вас больше томить. Испекли старухи колобок и, как водится, положили на окошко студиться. Тоже с памятью не все ладно у них было, забыли, чем это кончиться может.

М-да...

Ну, а Колобок – славный да румяный – полежал-полежал, глянул за окошко, а там май, лепота, хотел было прыгнуть, но с восьмого этажа не рискнул. Тут, как на грех, соседка Петровна вспомнила, что у неё в «сусеках» джем с прошлого 8-го марта оставался, решила сбегать за ним домой, а дверь-то не прикрыла. Потянуло из подъезда сквознячком, обдуло румяный бочок, Колобок спрыгнул на пол и покатился. До порога с непривычки с трудом, а по лестнице легко, вприпрыжку. Домофон давно не работал, так что дверь уличная нараспашку. Прокатился наш герой по пандусу и дальше вперед, по дорожке, рванул.

Катится Колобок по дорожке, а навстречу ему ни зайцев, ни медведей не попадает. Хлеб с земли народ, хоть и трудно живет, не поднимает, глядишь, и обойдется на этот раз с Колобком все благополучно. Катится, значит, он, а навстречу ему, гуляющие степенно воскресным днем граждане и ребятня ихняя. Увидел один постреленок Колобока и наподдал его ногой, как мяч, больно наподдал. Колобок отскочил далеко, благо круто был замешан, бочок упругий.

В общем, катался-катался, никто его не трогал, куда подевался потом, не знаю. Может, собака какая голодная, в конце – концов, съела. А может, зачерствел где, под лавкой, и печальный раскосый дворник смел его в общую мусорную кучу. Она надежда, что на свалке его птицы склевали. А то ведь ни себе, ни людям, ни лисам, ни волкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.